

Александр Дюма

Салтеадор

Александр Дюма

Сальтэадорі

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод *Анны Худадовой*

Дизайнер обложки *Георгий Крюченко*

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Питера Снайерса «Привал всадников в лесу», XVII в.
и *О. И. Тимашевского* «Разбойники», 1857 г.

ISBN 978-617-12-7889-9 (PDF)
ISBN 978-617-12-7646-8

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Сьерра-Невада

Среди горных цепей, избородивших Испанию от края до края, от Бильбао до Гибралтара и от Аликанте до мыса Финистерре, бесспорно, самая поэтическая и по своему причудливому очертанию, и по историческим преданиям — Сьерра-Невада: она как бы продолжает Сьерру-де-Гуаро и отделена от нее лишь живописной долиной, где берет начало один из истоков Орхивы, небольшой реки, низвергающейся в море между Альмуньекаром и Мотрилем.

Еще и поныне арабский дух там жив во всем — в нравах, в одежде, в названиях городов, в памятниках и пейзажах, хотя вот уже два с половиной столетия миновало с тех пор, как мавры покинули королевство Альмохадов.

Надо сказать, что страна эта для сынов Пророка, завладевших ею вследствие предательства графа Хулиана, была землей обетованной. Андалусия,

расположенная между Африкой и Европой, так сказать, край срединный: она наделена богатствами одной и красотами другой, но лишена их мучительно-неприятных особенностей — тут растительность, пышную, как в Митидже, орошают прохладные воды Пиренеев, тут нет ни испепеляющего зноя Туниса, ни жестоких морозов России. Привет тебе, Андалусия, сестра Сицилии, соперница Счастливых островов!

Живите, любите и умирайте беззаботно, будто вы в Неаполе, если вам повезло и вы обитатель Севильи, Гранады, Малаги!

Кстати, в Тунисе мне довелось встретить мавров, показывавших мне ключ от их дома в Гранаде.

Ключ перешел к ним от предков, а они намеревались завещать его своим потомкам. И если когда-нибудь их дети вернутся в город Абн-аль-Хамара, они найдут улицу и дом, где жили их предки, и увидят: за двести сорок четыре года (с 1610-го по 1854-й) там почти ничего не изменилось, если не считать, что многолюдное, полумиллионное население сократилось до восьмидесяти тысяч душ и заветный ключ открывает двери, по всей вероятности, пустого дома или же дома, в котором нерадивые преемники даже не потрудились переменить замок.

И в самом деле, ничего испанского не выросло на той земле, где пальмы, кактусы и алоэ — самая естественная растительность; да, ровно ничего, даже дворец, что начали возводить по повелению благочестивого Карла V, не пожелавшего жить в обители эмиров и халифов, но над дворцом высится

Альгамбра, а он так и не поднялся выше второго этажа под насмешливым взглядом своей соперницы.

Итак, Гранадское королевство — чудесная сокровищница искусства и цивилизации (их уровня никогда не достичь его нынешним обитателям), последний осколок и последний оплот арабской империи в Испании, — красовалось на побережье Средиземного моря и тянулось от Тарифы до Альмасаррона на протяжении приблизительно ста двадцати пяти лье и на тридцать пять — сорок лье вдавалось в глубь страны — от Мотриля до Хаэна.

Сьерра-де-Гуаро и Сьерра-Невада пересекают две трети этих земель.

Свершины Муласена — самого высокого пика горной цепи — можно сразу охватить взглядом рубежи этого края.

На юге Средиземное море обширным синим покрывалом протянулось от Альмуньекара до Алжира; на севере плодородная долина Гранады огромным зеленым ковром раскинулась от Уэльмы до Вента-де-Карденья.

А на востоке и западе без конца и края протянулся необъятный горный хребет со снежными вершинами и каждый гребень напоминает внезапно замерзшую волну Океана, восставшего против небес.

И наконец, внизу, справа и слева от этого моря льда, — океан гор, постепенно переходящих в холмы с вершинами, покрытыми седым лишайником, пониже — красноватым вереском, темной зеленью елей, еще ниже — зелеными дубами, желтым пробковым дубом, а затем видишь деревья разных пород, сочетания всевозможных оттенков, в просветах ков-

рами раскинулись поляны, заросшие земляничником, мастиковым деревом и миртами.

Ныне три дороги — одна из Мотриля, другая из Велес-Малаги, а третья из Малаги — пересекают снеговую съерру и приводят вас с морских берегов в Гранадю, причем первая проходит через Хоену, вторая — через Алькаасин, последняя — через Кольменар.

Но в ту пору, когда начинается эта история, а именно в первые июньские дни 1519 года, дорог еще не было или, вернее, их только обозначили еле приметные тропинки, по которым шагали с дерзкой самоуверенностью *arrieros*¹ да их мулы. Тропинки эти нечасто пробегали по ровной местности, а вились по ущельям и горным кручам, то взлетая вверх, то сбегая вниз, словно кто-то нарочно проложил их так, чтобы испытать стойкость путешественника. Порой узкая спираль тропы поднималась вокруг красноватой, горячей от зноя отвесной скалы, вздымавшейся как исполинский египетский пилон, и путешественник буквально повисал вместе со своим беспечным мулом над бездной, в которой тонул его обезумевший от ужаса взгляд. И чем круче был подъем, тем раскаленнее становились скалы и тем опаснее становился путь, и казалось, что человек вместе со своим мулом вот-вот сорвется с каменистой дорожки, ибо вереницы караванов, проходивших по ней, сгладили все неровности, и в конце концов она стала гладкой и скользкой, как мрамор.

Правда, миновав орлиное гнездо по названию Альгама, дорога становилась легче и по довольно отло-

¹ Погонщики мулов (*исп.*).

гому склону, если странник направлялся в Гранаду из Малаги, спускалась в долину Хоены, зато тут на смену опасности, так сказать, физической, приходила другая, которая, оставаясь невидимой, тем не менее присутствовала в воображении. Опасность эта становилась реальной с того момента, когда по бокам дороги возникали густые, как бы предлагающие убежище заросли кустарника, а обе ее стороны оцетинивались крестами со зловещими надписями.

Кресты эти были воздвигнуты над могилами путников, убитых разбойниками, в те смутные времена обильно населявшими горный край Кордовы и Гранады — Сьерру-Морену и Сьерру-Неваду.

Надписи на крестах не оставляли никакого сомнения в том, какой смертью пали те, кто покоился под их сенью. Пересекая горные хребты три века спустя после тех путешественников, которые вскоре предстанут перед глазами наших читателей, мы видели кресты, подобные только что изображенным, и списали с навевающих уныние перекладин слова, весьма малоутешительные для тех, кто их читает:

ЗДЕСЬ

был убит путешественник.

Молите Господа за упокой его души.

или:

ЗДЕСЬ

были убиты отец и сын.

Они покоятся в одной могиле.

Да будет с ними милость Господня!

Но чаще всего встречается такая надпись:

Aquí mataron un hombre.

А это просто-напросто означает: «Здесь убит человек».

Своеобразный список убиенных тянулся на протяжении полутора-двух лье почти по всей долине, затем путники пересекали ручей, который, обогнув деревню Касин, впадает в Хениль, и оказывались в другой части горного края.

Тут сьерра была чуть ниже и, надо признаться, легче было преодолевать подъемы. Тропинка терялась в огромном сосновом бору, но зато позади оставались узкие ущелья и отвесные скалы. Вы словно попадали в более умеренный климат, и после перехода в полтора лье по извилистой горной тропе, затененной деревьями, перед вами открывались поистине райские места, куда вы и спускались по пологому склону, зеленый ковер которого пестрел желтыми душистыми цветами дрока и кустами земляничника с красными ягодами, внешне похожими на землянику, хотя их немного вяжущий вкус напоминает скорее банан.

Добравшись до этих мест, странник мог с облегчением вздохнуть, ибо, казалось, он избавился от двойной опасности: разбиться насмерть, скатившись в пропасть, или погибнуть от руки какого-нибудь разбойника, оказавшегося в скверном настроении.

И в самом деле, слева от дороги, приблизительно в четверти лье, виднелось убежище — небольшое белое здание со стенами, словно из мела, — не то постоялый двор, не то крепость.

Здание имело террасу с зубчатым парапетом, а его дубовые ворота с железными перекладинами были обиты гвоздями.

Над воротами висел поясной портрет какого-то человека: смуглое лицо, черная борода, тюрбан на голове и скипетр в руке.

Под портретом значилось: «Al rey mogo»¹.

Хотя ничто не указывало, что мавританский король, под чьей защитой процветал постоянный двор, был последний властелин Гранады, тем не менее тот, кто не был совершенно чужд прекрасному искусству живописи, понял бы, что художник задумал изобразить сына Зорайи, Абу Абдаллаха, по прозвищу аль-Закир; его-то Флориан и вывел под именем Боабдила, сделав одним из главных персонажей своей поэмы «Гонсальво из Кордовы».

По примеру путешественников, мы поспешили пустить лошадь галопом, торопясь добраться до постоянного двора, и поэтому, проезжая мимо, даже не потрудились взглянуть на одну особу, которая, несмотря на заметное с первого взгляда скромное общественное положение, заслуживает особого описания.

Правда, она притаилась под сенью старого дуба, в ущелье.

То была девушка шестнадцати-восемнадцати лет; по некоторым признакам она, казалось, принадлежала к какому-нибудь из мавританских племен, по другим же признакам она имела право занять место в большой европейской семье; быть может, в ней

¹ «У мавританского короля» (исп.).

соединились две расы и она как бы являла собою промежуточное звено: в ней с удивительным своеобразием сочетались жгучая, чарующая обольстительность южанки и нежная пленительная красота невинной девушки-северянки. Ниспадавшие на плечи иссиня-черные волосы цвета воронова крыла обрамляли ее продолговатое, безупречно очерченное лицо, и было в нем что-то горделивое; огромные глаза, голубые, как подснежники; ресницы и брови такого же цвета, как волосы; кожа матовая, молочно-белая; губы свежие, будто вишни; зубы, краше жемчуга; шея лебединая, грациозная и изящная; руки, пожалуй, чуть длинноватые, зато безукоризненной формы; стан гибкий, словно лоза, что глядится в воды озера, или пальма, что покачивается в оазисе; хорошенькие босые ножки — таков был облик незнакомки, на которую мы позволили себе обратить внимание читателя.

Наряд девушки не лишен был дикарской фантазии; голову украшал венок из пышных ветвей ипомеи, сорванных с живой изгороди уже описанного нами дома, темно-зеленые листья и пурпурные цветы чудесно сочетались с гагатовой чернотой волос. Шею ее украшала цепь из плоских колец, величиной с филиппдор, нанизанных тесным рядом и отбрасывавших рыжеватые блики, рдевшие, как отсветы пламени. Платье ее причудливого покроя, сшитое из той шелковой ткани в две полоски — одну белую, другую цветную, — какую в те времена ткали в Гранаде и еще в наше время выделывают в Алжире, Тунисе и Смирне. Стан ее охватывал севильский пояс с золотой бахромой: такой пояс и ныне носит изящный

*majo*¹, что с гитарой под плащом отправляется пропеть серенаду своей возлюбленной. Если бы пояс и платье были новыми, в глазах бы, пожалуй, рябило от резкого сочетания ярких красок — до них большие охотники арабы и испанцы, — но платье и пояс обтерлись, выцвели от долгой носки, так что наряд стал прелестен и в те времена пленил бы взор Тициана, а позже привел бы в восторг Паоло Веронезе.

Однако всего удивительнее было — впрочем, такую странность встретишь чаще всего в Испании, а в те времена особенно, — так вот, всего своеобразнее было несоответствие богатого наряда с будничным занятием девушки. Она пряла шерсть, сидя на большом камне у подножия одного из тех зловещих крестов, о которых мы уже говорили, в тени громадного зеленого дуба, спустив ножки в ручей, и искристая вода прикрывала их серебристой вуалью.

Поодаль по скалистым уступам скакала козочка, ошипывая горьковатый раkitник, если говорить словами Вергилия, это неутомное, бесстрашное существо — обычное достояние неимущего.

Незнакомка вращала прялку левой рукой, вытягивая нить правой, поглядывала на свои ножки, вокруг которых струилась и журчала вода, и напевала вполголоса какую-то народную песенку; эта песенка, пожалуй, не выражала мыслей девушки, а скорее вторила внутреннему голосу, шептавшему о чем-то в глубине ее сердца, неслышно для других.

¹ Щеголь (*исп.*).

Время от времени певунья, умолкнув и прекратив работать, окликала козочку; нет, она не подзывала ее, а словно хотела дружески подбодрить, произнося слово «маса», что по-арабски означает «коза»; всякий раз козочка, услышав это слово, строптиво трясла головой, отчего звенел ее серебряный колокольчик, и продолжала щипать траву.

Вот слова, которые напевала девушка с прялкой, слова песенки тягучей и монотонной; ее мотив с давних пор сохранился и в долинах Танжера, и в горах Кабилии.

Заметим, что это был романсеро, известный в Испании под названием «Песнь короля дона Фернандо».

О возлюбленная Гранада,
 Восхищенных очей отрада,
 Стань, Гранада, моей женой!
 И прими от моих Кастилий
 В дар три крепости в полной силе
 И три города, что застыли
 В пене каменной кружевной.
 Ты пошарь своей ручкой узкой
 В той шкатулочке андалусской,
 Что мне Господом вручена.
 Выбирай все, что сердцу мило!
 Коль Хиральда тебя пленила —
 У Севильи, что мне постыла,
 Будет отнята вмиг она.
 И пускай возропщет Севилья,
 И пускай возропщет Кастилья,
 Ты тревожиться не изволь.
 Услужить тебе сердце радо,
 Мне нужна лишь одна награда —
 Мне ворота открой, Гранада, —
 Дон Фернандо я, твой король.